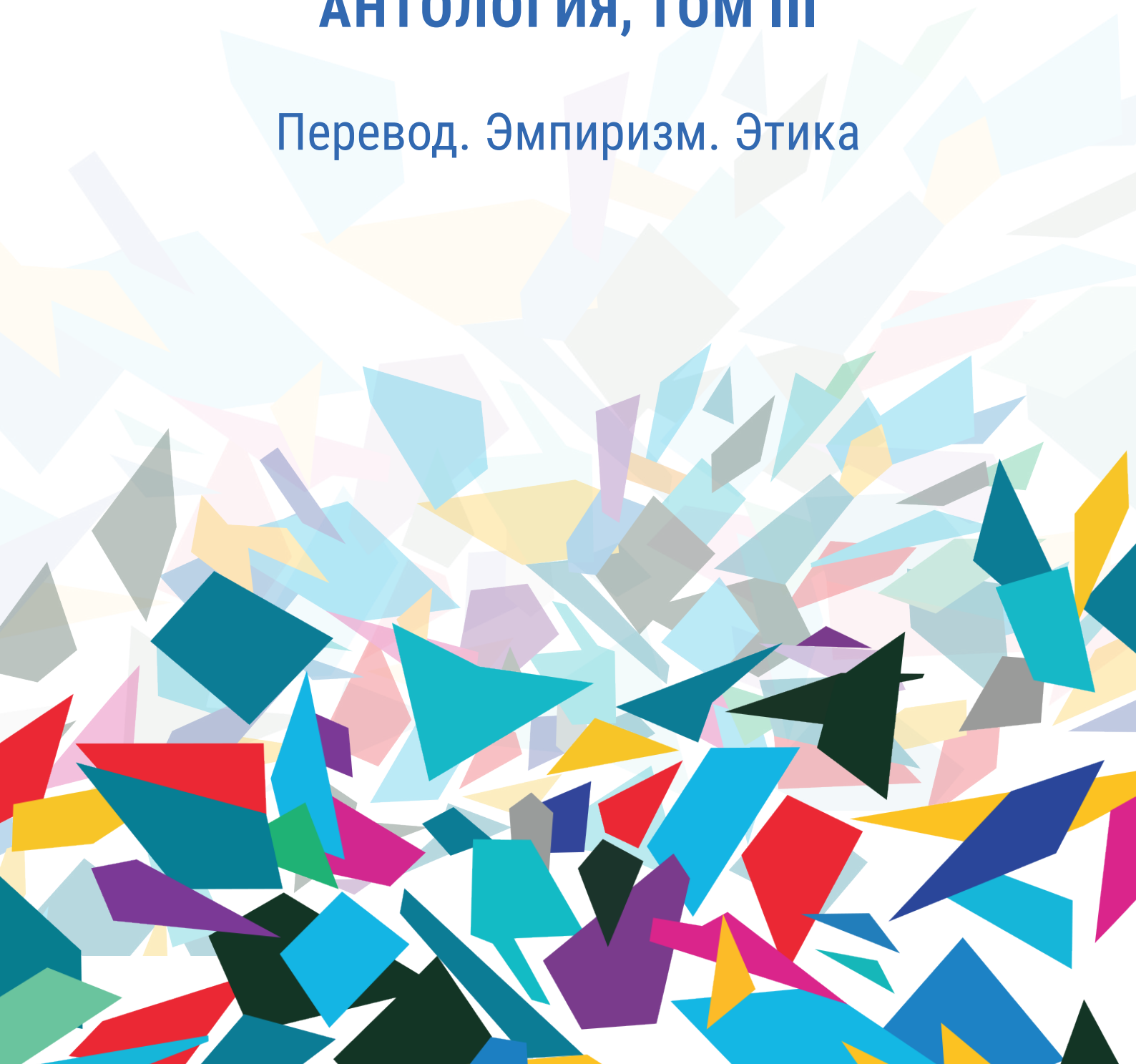

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ III

Перевод. Эмпиризм. Этика

Цель: ознакомиться с проблемой качества перевода, поднятой Лоуренсом Венути в эссе «Перевод. Эмпиризм. Этика».

Ключевые слова: перевод, репрезентативен, интерпретанта, этика, эмпиризм, знак, герменевтика.

Продолжаем знакомиться с антологией американских ученых Джулии Ривкин и Майкла Райана «Теория литературы», и в данной лекции речь пойдет о работе профессора Темпл Университета, специалиста по теории и истории литературного перевода Лоуренса Венути, посвященной проблеме перевода. Лоуренс Венути рассматривает эту проблему на примере творчества переводчика Артура Голдхаммера.

Лоуренс Венути сообщает, что в течение последних 30 лет Голдхаммер осуществил перевод на английский язык более ста французских текстов по истории искусства, литературной теории и истории, философии и истории науки, и добавляет, что появление бесчисленного количества читателей этих книг можно считать заслугой Голдхаммера.

Перевод

Это наблюдение, добавляет Л. Венути, является распространенным клише, когда речь идет о работе любого переводчика, и оно не проливает света на то, что поставлено на карту при переводе. Л. Венути задает следующие вопросы: «Можно ли утверждать, что заслугой Гольдхаммера является то, что англоязычные люди смогут прочесть более ста французских текстов? Можно ли думать о переводе как о даре, который не несет обязательств? В чем заключается дар переводчика и как его можно оценить по достоинству? Могут ли ответы на эти вопросы привести к размышлению о переводе, который способен негативным образом сказаться на понимании текста оригинала?».

Голдхаммер, как и большинство профессиональных переводчиков, скорее всего, не придает значения таким предположениям, допускает Л. Венути. Как утверждает Голдхаммер, «перевод и без этого является достаточно сложным процессом, чтобы поддаваться теоретическим предвзятым мнениям». Примеры очевидных ошибок и неудачной передачи некоторых нюансов значений слова или фразы, которые выбирает переводчик, указывают на то, что принципиальным является факт соответствия перевода стилю литературного текста или смыслу научного текста. Следующая метафора раскрывает концепции, лежащие в основе подхода Голдхаммера. Перевод, утверждает он, «можно сравнить с пойманным мячом: почти невозможно объяснить словами, как вы это делаете, и всякий, кто пытался следовать такому описанию, выглядел бы довольно глупо на поле. Но любой зритель понимает, насколько хорошо это выполнено».

Голдхаммер отмечает, что качественный перевод может быть мгновенно воспринят любым читателем, и это объединение знания предмета и цели не связано с культурным образованием человека, поэтому ценность перевода не нуждается в описании, объяснении или оправдании, которые в любом случае «почти невозможно» обеспечить и, в конце концов, это было бы «довольно глупо».

Эмпиризм характерен для британских и американских культурных традиций, о котором говорят такие мыслители, как Фрэнсис Бэкон, Томас Гоббс и Джон Локк. И, очевидно, он существует не только в философских размышлениях, но и в истории, поэзии и литературной журналистике, продуцируя отчетливо англоцентричный вид перевода – логичный, прагматичный. При внимательном изучении его недостатки становятся очевидными, пишет Л. Венути.

Следует задуматься о том, почему ученые, издатели и читатели не признали перевод в качестве ценной культурной деятельности. Голдхаммер, отмечает Л. Венути, является достаточно опытным переводчиком, но даже он не в состоянии проанализировать свои работы для коллег, читателей и издателей, и не в его силах изменить продолжающуюся маргинальность переводческой деятельности или повысить ценность перевода в качестве важной практики межкультурного обмена.

В данном контексте эмпиризм является главной проблемой, потому что он порождает представление о языке как о прямом высказывании или отсылки, упоминании, что приводит либо к использованию инструментального метода перевода в виде простого воспроизведения оригинала, либо к передаче инварианта, содержащегося в исходном тексте или вызванного им, будь то его форма, его значение или его эффект.

В «Очерке о человеческом понимании» (1689) Локк предположил, что инструментальный метод представляет собой перевод как «замена одного слова другим словом с тем же значением», где «то же значение» относится к семантически неизменной единице. Этим методом продолжают руководствоваться практики перевода и сегодня, этот метод является основным при подготовке профессиональных переводчиков.

На сегодняшний день такое понимание перевода является приоритетным, заключает Л. Венути.

Эмпиризм

Чтобы усовершенствовать понимание перевода, необходимо заменить инструментальный метод, так как перевод – всегда есть и интерпретация оригинала. Основываясь на суждениях материалистов о том, что язык – это продукт, активируемый лингвистическими и культурными детерминантами, герменевтическая модель рассматривает перевод как интерпретацию исходного текста, форма, значение и эффект воздействия которого рассматриваются как составляющие, подверженные неизбежной трансформации в процессе перевода. Это означает не то, что между исходным и переведенным текстами нет формальной или семантической связи, но то, что любое соответствие вытекает из интерпретации, которая определяется языком перевода и культурой реципиента. Перевод не может отразить исходный текст без изменений. Он может дать только интерпретацию, одну из многих возможностей, посредством выбора лексических и синтаксических вариантов, которые могут изменять такие показатели исходного текста, как метр и ритм, точку зрения и характеристики, стиль и жанр, терминологию и аргументацию.

Переводчик интерпретирует текст, применяя интерпретанту, которая является связующим звеном между исходным языком и культурой, с одной стороны, и принимающим языком и культурой, с другой стороны, т. е. способом преобразования текста оригинала в перевод. Называемую интерпретантой категорию Л. Венути заимствует из семиотики Чарльза Пирса. Ч. Пирс дает следующее определение знака: «знак есть репрезентамен, интерпретанта которого познается разумом». При этом репрезентамен – это такая словесная форма, которая находит отражение в знаке, а интерпретанта – это выражающий смысл знак. В теории Ч. Пирса, как отмечает Умберто Эко, «знак может означать еще что-то только потому, что это «значение» связано с «интерпретантой». В качестве примеров интерпретантов У. Эко перечисляет определение в словаре, данные из энциклопедии, визуальный образ и перевод на другой язык, показывая, что интерпретант функционирует как средство выполнения семантического анализа: это код или тема, заложенные в знак с определенным смыслом, превращая его в следующую цепочку значений.

Сам Ч. Пирс предположительно сравнивает понятие интерпретанты с переводом. Он опирается на это понятие, «потому что оно выполняет функцию толкователя, полагая, что иностранец говорит то же самое, что и он сам». Лоуренс Венути обращает внимание на то, что переводчик не просто интерпретирует или устно переводит речь иностранца, а «говорит» таким образом, что его интерпретация соответствует формальному требованию эквивалентности.

В переводе интерпретант – это принцип, связующий текст и его трансформацию, который является и формальным, и тематическим. Формальные интерпретанты включают понятие эквивалентности, т. е. семантическое соответствие, основанное на принятых словарных определениях, или понятие стиля, лексику и синтаксис, связанные с жанром.

Тематические интерпретанты – это своего рода коды: они могут выражать конкретные ценности, убеждения и представления; или составлять рассуждение относительно целостного комплекса понятий, проблем и аргументов; или представлять определенную интерпретацию

исходного текста, сформулированную независимо от точки зрения, убеждений переводчика или текущего состояния дискурса. Интерпретанты выражены, главным образом, в принимающем языке, в тексте перевода. Использование переводчиками интерпретантов реконтекстуализирует исходный текст, заменяя интерлингвистические и интердискурсивные отношения в языке и культуре оригинала на отношения в языке и культуре языка перевода.

Для того, чтобы оценить по достоинству герменевтическую модель, Лоуренс Венути рассматривает перевод Голдхаммера 1992 года «Деревня каннибалов». Французский текст – это рассказ историка Алена Корбина о социальных и политических мотивах жестокого насилия в сельской местности во Франции XIX века: толпа крестьян пыталась, а затем заживо сожгла дворянина в Дордоне. Голдхаммер, внося коррективы, соответствующие структурным особенностям и языковым нормам английского языка, в целом придерживался семантического соответствия с современными французско-английскими словарями, соответствия, характерного для британского и американского академического стиля. Фактически его варианты передают текст Корбина в узнаваемой академической форме. Таким образом, Голдхаммер использовал такие слова и фразы, как «расцвел», «играл важную роль» и «суть проблемы», представляющие собой свободные визуализации, которые отличаются от французского текста.

Он использовал слово «процвел», употребленное в предложении «Этот миф процвел на протяжении большей части девятнадцатого века», вместо более близкого и буквального варианта «демонстрировал большую стабильность»; фраза «сыграли решающую роль» вместо буквального «представляет собой решающий элемент»; а также использование выражения «суть вопроса» для перевода французского «суть, существенная (вещь), существенный пункт», указывает на обращение Гольдхаммером в его переводе к конкретным интерпретантам: стилистическим условностям академического исторического письма в англоязычных культурах.

При переводе часто употребляемого Корбином эпитета «мнимый» Голдхаммер также использует тематический интерпретант, периодически заменяя его такими словами, как «образ», «воображение», «фантазия» и даже «пропаганда». Заменяя лексему «мнимый» на «воображение» и сходные по значению слова, Голдхаммер передает различия между фактом и вымыслом, правдой и ложью, реальностью и видимостью, на которых основаны эмпирические эпистемологии.

Филипп Каррард критиковал перевод Голдхаммера за его отклонения от французского текста Корбина, и особенно – за «упрощение его теоретического аппарата». Это достаточно сложный вопрос, считает Л. Венути, потому что перевод Голдхаммера не может считаться просто неточным или неправильным. Переводчик предложил интерпретацию, которая не является некомпетентной или произвольной. Его интерпретация была основана на том, что, как он выразился в интервью, Корбин является не теоретиком-историком, а скорее тем, кто практикует «более литературный, интуитивный подход». Корбин сам изучал перевод Голдхаммера во всех деталях, отправив переводчику пять страниц рукописных заметок. Голдхаммер объяснил, что «почти все комментарии связаны со «значением» и «эмоциональной окраской» определенных вариантов слов. Корбин не поднимал вопросов теоретической интерпретации или неправильной интерпретации».

Мы привыкли, пишет Л. Венути, полагаться на качественную интерпретацию, не принимая во внимание истинные авторские намерения, поэтому мы с недоверием можем отнестись к оценке перевода, данной Корбином.

Избирая то или иное слово в качестве эквивалента французского текста, переводчик Голдхаммер выполнил «абстракцию», которую Альтуссер видел в эмпирических утверждениях истины – процедуре, в которой существенные данные отделены от несущественных на основе приоритетной эпистемологии.

Таким образом, делает вывод Л. Венути, перевод Голдхаммера является существенным вкладом в эмпирический дискурс. С одной стороны, предположение о том, что язык имеет конкретную семантику, побудило Голдхаммера отказаться от использования любого стиля, который слишком отличается от стандартного английского языка. С другой стороны, предположение о том, что историческое письмо выражает объективную истину, основанную на фактах, заставило его избегать теоретических концепций, которые представляли собой

сложность и даже невозможность различия между смысловой структурой и реальным фактом, тем самым, ставя под вопрос объективность автора-историка. Голдхаммер дополняет переводную версию текста эмпиризмом, т. е. учитывает ту практику, которая продолжает доминировать в британской и американской академической исторической науке и предлагает свою собственную инструментальную теорию перевода.

Как же тогда следует оценивать перевод Голдхаммера? Инструментальная модель здесь не поможет, считает Л. Венути. Именно инвариант, который допускает то, что содержится в исходном тексте или обусловлен им – его формой, смыслом или воздействием – становится единственным критерием точности и, следовательно, принципиально определяет ценность перевода.

Тем не менее, текст Корбина может содержать, по крайней мере, две противоречивые интерпретации, имеющие место в двух разных переводах. Герменевтическая модель дает более углубленное и всеобъемлющее толкование, поскольку она рассматривает любое формальное и семантическое соответствие как частичное и условное: частичное, поскольку оно неполно в воссоздании исходного текста в принимающих языке и культуре. Эта модель позволяет выбрать одну из множества возможных интерпретаций, каждая из которых имеет свой критерий точности в зависимости от принимающей культурной фокус-группы, социальной ситуации и исторического момента.

В обзоре, который появился в «Литературном приложении Таймс», Роберт Томбс, специалист по истории Франции Кембриджского университета, высоко оценил текст Корбина как «потрясающую картину некоторых мрачных реалий сельской жизни, переданных прямо и просто». Оценка Томбса эмпирического подхода очевидна, учитывая его предпочтение «прямого» повествования. Называть перевод Голдхаммера «прямым» вполне уместно, учитывая его кажущуюся прозрачность. Однако Томбс делает заключение Л. Венути, не имеет представления о сильной ассимиляционной природе английской версии, которая сводит термин «простой» к обычному преуменьшению или принижению.

По большей части одобрительные отзывы, приветствовавшие перевод, обзоры, которые положительно восприняли работу Корбина, показывают, что перевод был успешным, заключает Л. Венути.

Перевод всегда подвергает исходный текст преобразованиям, его невозможно оценить просто путем сравнения с оригиналом без учета культурных и социальных условий интерпретации переводчика. Оценка должна быть перенесена на другой уровень, уровень, который видится Л. Венути более этическим: при интерпретации перевод может определить этическую позицию и, тем самым, выполнить идеологическую функцию в отношении противоречивых толкований.

Этика

Л. Венути обращается к концепции этики Алена Бадью, которая исходит из оппонирования регламентированному, узаконенному, устоявшемуся, единственно допустимому пониманию и оппонирования так называемым общественным интересам, он стремится к культурному обновлению, инновациям и социальному равенству.

Л. Венути обращает внимание на то, что А. Бадью рассматривает как неэтичное знание, связанное с интересами одной группы, добившейся доминирования и пользующейся этим положением для подчинения других групп.

Таким образом, делает вывод Л. Венути, перевод в гуманитарных науках может оцениваться в соответствии с его влиянием, потенциальным или реальным, на академические дисциплины в культуре принимающего языка перевода; в зависимости от его сложности, стиля, жанра и дискурса; в зависимости от того, стимулирует ли он творческое мышление, научные исследования и изменяет ли поведение общества.

В связи с этим Л. Венути ставит под сомнение деятельность переводчиков, которые представляют свою роль и задачу в импорте иностранного мышления, не затрагивая налаженной и устойчивой деятельности отечественных образовательных учреждений, где это мышление формируется.

Голдхаммер утверждал, что «научные тексты написаны для потребления в основном научным сообществом, а переводчик должен уважать языковые нормы целевого сообщества». Но как переводчик он сделал намного больше, считает Л. Венути, а именно ассимилировал французский текст Корбина стилям и дискурсам, которые свойственны британским и американским академическим историкам. Его перевод – это результат ответственности переводчика в большей степени перед своей целевой англоязычной аудиторией, нежели перед проектом Корбина или французским историческим дискурсом.

Представьте себе переводчика, предлагает Л. Венути, который занимает противоположную точку зрения, переводчика, который зависит от авторитетов культурных и социальных институтов, таких, как академическая школа и издательское дело. Этот переводчик будет настороженно относиться к различиям, которые содержат иностранные языки, тексты и культуры, постоянно сообщать об этих различиях заинтересованным лицам и учреждениям, для которых делается перевод, и постоянно искать языковые и культурные средства выражения, чтобы показать эту разницу. Полученный перевод будет направлен лишь на удовлетворение установленных критериев, убеждений и представлений о должном переводе, констатирует Л. Венути.

Перевод, подобный осуществленному Артуром Голдхаммером, убежден Лоуренс Венути, вряд ли будет принят с благодарностью, но он может создать новое интеллектуальное пространство, которого ранее не существовало. Такой перевод, подразумевающий переоценку, предлагает новый и крайне необходимый подход.

В следующей лекции мы будем говорить об исследовании нигерийского писателя Чинуа Ачебе, посвященном проявлениям расизма в повести Джозефа Конрада «Сердце тьмы».

Вопросы для закрепления темы:

1. Позволиительно ли переводчику, с точки зрения Л. Венути, интерпретировать текст перевода или он обязан следовать «букве» оригинала?
2. Каким образом связана с осуществлением перевода этическая составляющая?

Литература:

1. Althusser Louis. Ideology and Ideological State Apparatuses // «Lenin and Philosophy» and Other Essays. – London: Monthly Rev., 1970.
2. Badiou Alain. Ethics: An Essay on the Understanding of Evil. – London: Verso, 2001.
3. Carrard Philippe. Taming the New History: Alain Corbin and the Politics of Translation// History of the Human Sciences. – 1993. – 6. – P. 79-90.
4. Corbin Alain. The Village of Cannibals: Rage and Murder in France, 1870. Trans. Arthur Goldhammer. – Cambridge: Harvard UP, 1992.
5. Eco Umberto. A Theory of Semiotics. – Bloomington: Indiana UP, 1976.
6. Goldhammer Arthur. Translating Subtexts: What the Translator Must Know// Center for European Studies, Harvard U. – 2010. – Web. 9 Feb.
7. Lacan Jacques. Écrits: A Selection. – New York: Norton, 1977.
8. Locke John. An Essay concerning Human Understanding. – Oxford: Oxford UP, 1975.